

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

(жалобы №№ 35880/14 и 75926/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 11 • Статья 3 (материальный и процессуальный аспекты) •
Свобода мирных собраний • Унижающее достоинство обращение •
Жестокое обращение сотрудников полиции по отношению к мирным
участникам политического митинга на Болотной площади и отсутствие
эффективного расследования • Применение силы не было строго
необходимым ввиду поведения заявителей и не являлось необходимым
в контексте подавления массовых беспорядков

СТРАСБУРГ

13 октября 2020 года

Вступило в силу 13 января 2021 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН ПРОТИВ РОССИИ»

По делу «Захаров и Варжабетян против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в состав которой вошли:

Пол Лемменс, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Мария Элосеги,
Джилберто Феличи,
Эрик Уэннерстром, *судьи*,
и Ольга Чернышова, *Заместитель Секретаря Секции*,

Принимая во внимание:

жалобы (№№ 35880/14 и 75926/17) поданные в Суд против
Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о
защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») двумя
гражданами Российской Федерации, Виктором Николаевичем
Захаровым и Тураной Апкарвной Варжабетян (далее — «заявители») 1
мая и 2014 года и 26 сентября 2017 года, соответственно;

решение уведомить Власти Российской Федерации (далее —
«Власти») о жалобе № 75926/17; и решение уведомить Власти о жалобах
на нарушение статей 3, 11 и 13 Конвенции в деле № 35880/14 в связи с
предположительно чрезмерным применением силы полицией во время
разгона митинга 6 мая 2012 года и отсутствием эффективного
расследования, и решение объявить остальную часть жалобы
неприемлемой;

замечания сторон;

проведя закрытое заседание 22 сентября 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Настоящее дело касается жестокого обращения со стороны
сотрудников полиции с заявителями во время политического митинга,
проходившего 6 мая 2012 года на Болотной площади. Заявители не были
осуждены за массовые беспорядки и не обвинялись в каких-либо других
правонарушениях в связи с соответствующими событиями на Болотной
площади.

ФАКТЫ

2. Первый заявитель (Захаров) 1966 года рождения. Второй
заявитель (Варжабетян) 1945 года рождения. Они проживают в г.
Москве. Интересы заявителей в Суде представляли соответственно С.А.
Миненков и А.Н. Лаптев, адвокаты, практикующие в г. Москве.

3. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти»)
первоначально представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Гальперин.

I. ПУБЛИЧНОЕ СОБРАНИЕ 6 МАЯ 2012 ГОДА И
ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЗАЯВИТЕЛЯМИ

4. Факты, касающиеся планирования, проведения и разгона демонстрации на Болотной площади, более подробно изложены в постановлении Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 7-65). Доводы сторон, имеющие непосредственное отношение к настоящему делу, можно вкратце изложить следующим образом.

5. Оба заявителя участвовали в политическом митинге, проведенном 6 мая 2012 года. Первый заявитель являлся одним из организаторов мероприятия. По их словам, они не нарушали общественный порядок и не оказывали сопротивления сотрудникам полиции, присутствовавшим на месте собрания. Однако во время разгона митинга сотрудники полиции предположительно били заявителей по голове резиновыми дубинками.

6. Первый заявитель представил фотографии. На одной из фотографий видно, как полицейские собираются нанести удары резиновыми дубинками по толпе. В этой толпе можно увидеть первого заявителя. На другой фотографии видно как первого заявителя тянут двое сотрудников полиции. На этих фотографиях не показан реальный момент, когда первого заявителя предположительно ударили резиновой дубинкой. Однако на двух других фотографиях изображен заявитель на месте событий с окровавленным лицом. По словам первого заявителя, получив удар по голове, он потерял сознание. Другие участники митинга помогли ему получить первую помощь. Позже первый заявитель был доставлен в больницу, откуда он был выписан в тот же день. Он представил медицинскую справку от 6 мая 2012 года о том, что у него диагностирована ушибленная рана лобной доли.

7. Второй заявитель предоставила ссылки на видео на «YouTube», в которых запечатлены столкновения между полицией и протестующими. Эти видеозаписи показывают, что второй заявитель была окружена сотрудниками полиции, когда она упала и начала кричать. На видеозаписях также видно, как другие участники собрания несут второго заявителя и кричат на сотрудников полиции, обвиняя их в избиении пожилой женщины, имея в виду второго заявителя.

8. Второй заявитель также представила медицинскую справку о том, что 6 мая 2012 года для нее вызвали скорую помощь на Болотную площадь. В справке указано, что она получила травму головы и у нее были ушибы мягких тканей на правой стороне головы и в области промежности. В медицинских справках от 7 мая и 8 июня 2012 года указано, что в результате травмы, которую она получила 6 мая 2012 года,

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

у заявителя возникли проблемы со здоровьем.

9. Ни один из заявителей не был задержан или обвинен в совершении какого-либо правонарушения в связи с событиями, имевшими место 6 мая 2012 года.

II. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ЖЕСТОКОГО
ОБРАЩЕНИЯ С ПЕРВЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ

**А. Требование о возбуждении уголовного дела и отказ в его
удовлетворении**

10. 23 июня 2012 года первый заявитель обратился в Следственный комитет с просьбой о возбуждении уголовного дела в связи с предполагаемым жестоким обращением с ним во время разгона публичного собрания. К своему заявлению он приложил фотографии и медицинскую справку (см. пункт 6 выше). Заявление заявителя было объединено с другими заявлениями о предполагаемом превышении полномочий сотрудниками полиции 6 мая 2012 года.

11. 20 марта 2013 года Замоскворецкий следственный отдел Следственного комитета отклонил несколько индивидуальных жалоб и два официальных запроса относительно предположительно незаконных действий полиции при разгоне митинга 6 мая 2012 года, включая чрезмерное применение силы и произвольные задержания. В своем постановлении следователь помимо прочего сослался на описание инцидента первым заявителем и показания других лиц, в том числе некоторых сотрудников полиции. Он также отметил, что в соответствии с результатами внутренней проверки, проведенной после событий на Болотной площади, сотрудник полиции позвонил первому заявителю и пригласил его прийти в отделение полиции, чтобы сообщить дополнительную информацию и опознать сотрудника, совершившего нападение. Отчет по вышеупомянутой проверке был датирован 8 июня 2012 года, и в нем указывалось, что заявитель отказался явиться, заявив, что он не сможет опознать соответствующего сотрудника полиции.

12. В том же постановлении следователь установил, что 6 мая 2012 года, в ответ на прорыв полицейского оцепления некоторыми протестующими, полиция начала задерживать лиц, принимавших наиболее активное участие в этих действиях. Далее следователь пришел к выводу о том, что работа сотрудников, отвечавших за задержание правонарушителей, включала применение, при необходимости, силы и специальных средств сдерживания в отношении лиц, оказывающих сопротивление (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин и другие против России», пункт 52). Следователь не установил состава преступления в действиях сотрудников полиции.

13. Следователь не исследовал инцидент, произошедший с первым заявителем, и в его постановлении не указано, что первый заявитель

действовал агрессивно по отношению к полиции или отказывался повиноваться их распоряжениям. В постановлении следователя подтверждалось, что заявитель не числился среди лиц, задержанных в тот день.

В. Жалобы на отказ в возбуждении уголовного дела

14. Первый заявитель обжаловал постановление от 20 марта 2013 года в прокуратуру и оспорил его в суде. Он утверждал, в частности, что следователь не рассмотрел его утверждения и не предпринял попыток установить личность соответствующего сотрудника полиции. Заявитель утверждал, что, приобщив его заявление к жалобам других лиц, следователь уклонился от рассмотрения конкретного инцидента, на который он жаловался. Он также оспорил то, что якобы было сказано во время телефонного разговора в июне 2012 года (см. пункт 11 выше).

15. 17 мая 2013 года заявителю был направлен ответ из прокуратуры, в котором кратко говорилось об отсутствии оснований для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

16. 16 августа 2013 года Замоскворецкий районный суд города Москвы (далее — «районный суд») отклонил жалобу заявителя на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 20 марта 2013 года. Суд счел, что следователь провел тщательную оценку действий сотрудников полиции, которые обеспечивали общественный порядок во время массового мероприятия. Судья также отметил, что о госпитализации заявителя 6 мая 2012 года было сообщено в тот же день, и была начата внутренняя проверка. Утверждения о незаконных действиях сотрудников полиции в отношении заявителя не были подтверждены в ходе этой проверки.

17. 20 августа 2013 года районный суд отклонил жалобу заявителя на ответ прокурора от 17 мая 2013 года. Суд счел, что конституционные права заявителя не были нарушены, поскольку у него была возможность обжаловать постановление от 20 марта 2013 года.

18. Заявитель обжаловал решение от 16 августа 2013 года, в частности утверждая, что следователь не провел тщательной оценки его аргументов и что выводы следователя не были основаны на материалах доследственной проверки.

19. 1 ноября 2013 года Московский городской суд оставил решение от 16 августа 2013 года без изменения. В ответ на доводы заявителя суд заявил, что на стадии предварительного следствия суд не обладал юрисдикцией, чтобы выносить решение о достоверности информации, которую следователь должен был проверить в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса.

20. 11 ноября 2013 года Московский городской суд оставил решение от 20 августа 2013 года без изменения.

III. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ СО ВТОРЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ

А. Требование о возбуждении уголовного дела и отказы в его удовлетворении

21. 29 октября 2012 года второй заявитель потребовала возбудить уголовное дело в связи с предполагаемым жестоким обращением со стороны сотрудников полиции. Как и в случае с первым заявителем, ее заявление было объединено с другими заявлениями о предполагаемом превышении полномочий сотрудниками полиции 6 мая 2012 года.

22. 7 декабря 2012 года, 25 октября 2013 года, 22 мая 2014 года и 21 января 2016 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях сотрудников полиции состава преступления. В своих постановлениях следователь изложил аргументы второго заявителя относительно происшествия и, не изучив конкретные обстоятельства ее дела, пришел буквально к тем же выводам, что и в случае с первым заявителем (см. пункт 12 выше).

23. Упомянутые выше постановления были отменены прокурором как преждевременные и необоснованные 23 октября 2013 года, 25 апреля 2014 года, 27 ноября 2015 года и 2 ноября 2016 года соответственно. Каждый раз по материалам дела проводилась дополнительная проверка. В последний раз прокурор, в частности отметил, что во время следующей дополнительной проверки следователь должен изучить информацию на DVD-диске, который заявитель представила ранее. По словам второго заявителя, она была проинформирована о постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела после существенных задержек; что касается решений прокурора, то по крайней мере два раза она узнавала об этих решениях в ходе судебного разбирательства уже после того, как она обжаловала постановления (см. пункт 24 ниже).

В. Обжалование отказов в возбуждении уголовного дела

24. В неустановленный день в 2013 году, а также 23 сентября 2015 года и 23 сентября 2016 года второй заявитель обжаловала постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в суды. 25 октября 2013 года районный суд отклонил жалобу заявителя, признав постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 декабря 2012 года законным. 30 ноября 2015 года и 10 ноября 2016 года районный суд отклонил требования заявителя, поскольку постановления следователя от 22 мая 2014 года и 21 января 2016 года уже были отменены прокурором до проведения судебных слушаний (см. пункт 23 выше). Из имеющихся в распоряжении Суда материалов не следует, что

второй заявитель обжаловала эти решения районного суда.

**С. Иск о компенсации морального вреда в связи с
предположительно неэффективным расследованием**

25. 21 июня 2016 года второй заявитель потребовала компенсации морального вреда, предположительно причиненного следственными органами, которые рассмотрели ее заявление, и отказали в возбуждении уголовного дела. Она утверждала, что рассмотрение ее заявление совместно с заявлениями других лиц было незаконным, и что в многочисленных распоряжениях о направлении дела на дополнительную проверку были выявлены недостатки работы следователей. Она также утверждала, что отсутствие необходимых мер для установления обстоятельств происшествия нарушило ее права и причинило ей психологические и физические страдания.

26. 28 ноября 2016 года Басманный районный суд Москвы отказал в удовлетворении иска заявителя. Суд установил, что предполагаемые недостатки в работе следователей были устранены в результате отмены их постановлений. Суд также установил, что заявитель не представила доказательств того, что действия ответчиков причинили ей какие-либо страдания и что они несут ответственность за предполагаемые негативные последствия.

27. 30 марта 2017 года Московский городской суд оставил это решение без изменений по апелляции.

28. 10 октября 2017 года судья Московского городского суда отклонил кассационную жалобу заявителя.

ПРИМЕНИМАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА

29. Краткое изложение соответствующих положений внутригосударственного законодательства, регулирующих проведение предварительной проверки и судебного пересмотра постановлений следственных органов об отказе в возбуждении уголовного дела, см. в постановлении Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*) (жалоба № 46956/09, пункты 99-100).

30. Статья 20 Закона «О полиции» (№ 3 от 7 февраля 2011 года, в редакции, действовавшей в период рассматриваемых событий) предусматривала, что сотрудники полиции могут применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений и административных правонарушений, для задержания лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, а также для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей.

31. В статье 21 Закона «О полиции» содержится исчерпывающий

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

перечень обстоятельств, при которых могут применяться специальные средства, в том числе резиновые дубинки. В частности, резиновые дубинки могут применяться для отражения нападения на гражданина или сотрудника полиции, для пресечения сопротивления, оказываемого сотруднику полиции, а также для пресечения массовых беспорядков и прекращения коллективных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций. Помимо прочего, этот закон запрещал наносить человеку удары резиновой дубинкой по голове. В статье 22 Закона «О полиции» также говорится, что применение специальных средств для пресечения незаконных манифестаций ненасильственного характера, которые не нарушают работу транспорта, средств связи и организаций, запрещено.

32. Соответствующие международные материалы о свободе мирных собраний, в том числе руководящие принципы по охране общественного порядка, см. в упоминаемом выше постановлении по делу «Фрумкин против России», пункт 80.

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНО ПРОИЗВОДСТВО

33. Принимая во внимание схожий характер предмета данных жалоб, Суд считает целесообразным рассмотреть их в рамках одного производства.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

34. Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявители жаловались на то, что они подверглись жестокому обращению со стороны сотрудников полиции в ходе разгона митинга 6 мая 2012 года, и на отсутствие эффективного расследования по их жалобам на жестокое обращение. Статья 3 Конвенции предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

A. Приемлемость жалоб

35. В отношении второго заявителя Власти утверждали, что она подала жалобу на основании статьи 3 в нарушение шестимесячного срока, течение которого началось 10 ноября 2016 года, когда районный суд вынес свое решение (см. пункт 24 выше).

36. В ответ второй заявитель утверждала, что решение от 10 ноября 2016 года не было окончательным решением по ее делу и что неэффективное расследование носило длящийся характер.

37. Суд напоминает, что обычно шестимесячный срок исчисляется со дня вынесения окончательного решения в процессе исчерпания

внутригосударственных средств правовой защиты (см. решение Суда от 7 июня 2001 года по делу «Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства» (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), жалоба № 46477/99). В делах, касающихся длящихся обстоятельств, течение шестимесячного срока начинается с момента прекращения этих обстоятельств (см. постановление Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 72, с дальнейшими ссылками).

38. Ранее Суд установил, что в российской правовой системе полномочия суда по отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела являются достаточной защитой от произвольного осуществления полномочий следственными органами. Суд постоянно требовал, чтобы заявители обжаловали в суды постановления следователей об отказе в возбуждении уголовного дела (см. решение Суда от 14 октября 2003 года по делу «Трубников против России» (*Trubnikov v. Russia*), жалоба № 49790/99, и постановление Суда от 1 марта 2007 года по делу «Белевицкий против России» (*Belevitskiy v. Russia*), жалоба № 72967/01, пункты 54-67).

39. Суд отмечает, что в случае второго заявителя было вынесено четыре постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Второй заявитель требовала судебного пересмотра этих постановлений, но ее ходатайства были отклонены, поскольку соответствующие постановления уже были отменены прокурором (см. пункты 22-24 выше). 10 ноября 2016 года районный суд вынес решение об отклонении ходатайства (последнее из имеющихся в распоряжении Суда), в котором указывалось, что оно не подлежит рассмотрению этим судом, поскольку 2 ноября 2016 года прокурор отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и распорядился о проведении дополнительной проверки. В Суд не были представлены какие-либо документы о результатах последовавшей предварительной проверки, которая, судя по всему, еще не завершена. Таким образом, Суд не может согласиться с Властями в том, что решение от 10 ноября 2016 года представляет собой окончательное решение с целью исчисления шестимесячного срока в отношении жалобы второго заявителя на жестокое обращение.

40. Суд также отмечает, что второй заявитель подала жалобу в Суд примерно через десять месяцев после вышеупомянутого решения прокурора о направлении материалов дела на дополнительную проверку. В течение этого периода она могла разумно ожидать некоторого прогресса в расследовании, поскольку прокурор прямо распорядился изучить записи происшествия на DVD-диске. В тот же период второй заявитель обжаловала отказ в удовлетворении ее гражданского иска о компенсации морального вреда (см. пункты 25-28 выше).

41. Ввиду вышеизложенного Суд считает, что второй заявитель проявила должное усердие, и в подаче ее жалобы в Суд не было

необоснованных задержек (см. постановление Большой Палаты по делу «Мокану и другие против Румынии» (*Mocanu and Others v. Romania*), жалоба № 10865/09 и 2 другие жалобы, пункты 264-69, ECHR 2014 (извлечения)). Таким образом, он отклоняет предварительные возражения Властей в отношении ее жалобы на нарушение материального и процессуального аспектов статьи 3 Конвенции.

42. Суд отмечает, что жалобы заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции не являются явно необоснованными или неприемлемыми по каким-либо другим основаниям, перечисленным в статье 35 Конвенции. Таким образом, их следует признать приемлемыми.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

43. Что касается первого заявителя, то Власти оспорили утверждения о том, как и когда ему были нанесены телесные повреждения. Они также утверждали, что информации, полученной ими из больницы относительно его телесных повреждений, было недостаточно для начала расследования без требования самого заявителя. Они утверждали, что тот факт, что он задержал с подачей заявления более одного месяца (см. пункт 10 выше), воспрепятствовал проведению доследственной проверки, так как проводить экспертизу и допрашивать его и свидетелей было слишком поздно. Они утверждали об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции в отношении первого заявителя.

44. Что касается второго заявителя, то Власти указали, что ее утверждения о жестоком обращении не были подтверждены в ходе доследственной проверки. Они считали, что второй заявитель не представила небезосновательную жалобу, и поэтому власти не были обязаны возбуждать уголовное дело.

45. Первый заявитель продолжал настаивать на своей жалобе. Он утверждал, что когда в июне 2012 года ему позвонили из полиции, он подтвердил, что был избит сотрудником полиции. Он также утверждал, что было проведено освидетельствование, результаты которого подтверждали, что он получил травму. Он утверждал, что дата получения этой травмы не может быть оспорена, поскольку она подтверждалась медицинской справкой и фотографиями. Он также утверждал, что доследственная проверка проводилась слишком медленно.

46. Второй заявитель настаивала на своей жалобе. Она утверждала, что органам государственной власти властям было известно о том, что 6 мая 2012 года полиция применила в отношении участников митинга непропорциональную силу. Однако они решили проигнорировать этот факт. Ссылаясь на выводы в постановлении по делу «Фрумкин против России» (*Frumkin v. Russia*) (жалоба № 74568/12, пункты 128-30, 5 января 2016 года), она повторила, что ответственность за яростные

столкновения, которые произошли между полицией и протестующими в тот день на Болотной площади, лежит на властях.

2. Оценка Суда

(а) Предполагаемое отсутствие эффективного расследования

(i) Общие принципы

47. Суд ссылается на общие принципы, изложенные в постановлении Большой Палаты по делу «Буйид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*) (жалоба № 23380/09, пункты 114-123, ECHR 2015).

48. В частности, в случае наличия весомого утверждения о жестоком обращении, запрещенном статьей 3, власти обязаны принять меры сразу же после подачи официальной жалобы. Однако даже в отсутствие конкретной жалобы власти должны провести расследование, если имеются другие достаточно четкие указания на то, что могли иметь место пытки или жестокое обращение. Как только эти сведения становятся известны властям, они должны начать действовать по собственной инициативе (см. *mutatis mutandis*, постановление Суда от 3 мая 2007 года по делу «Члены Глданской общины Свидетелей Иеговы и другие против Грузии» (*Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia*), жалоба № 71156/01, пункт 97, и постановление Большой Палаты по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства» (*Al-Skeini and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 55721/07, пункт 165, ECHR 2011, с дальнейшими ссылками; см. также постановление Суда от 16 апреля 2013 года по делу «Велев против Болгарии» (*Velev v. Bulgaria*), жалоба № 43531/08, пункт 60, как пример случая, когда жестокое обращение имело место в присутствии сотрудников полиции).

49. Суд подчеркивал, что надлежащая реакция властей в виде расследования обоснованных утверждений о жестоком обращении во время нахождения под контролем сотрудников полиции или других представителей органов государственной власти, соответствующая требованиям статьи 3, является необходимой для поддержания общественного доверия к приверженности верховенству права и предотвращения каких-либо признаков сговора или попустительства незаконным действиям (см., в числе прочих источников, постановление Суда от 18 декабря 2012 года по делу «Гасанов против Республики Молдовы» (*Gasanov v. the Republic of Moldova*), жалоба № 39441/09, пункт 50; постановление Суда от 17 сентября 2013 года «Амине Гюзел против Турции» (*Amine Güzel v. Turkey*), жалоба № 41844/09, пункт 39; и постановление Суда от 5 ноября 2013 года по делу «Месут Дениз против Турции» (*Mesut Deniz v. Turkey*), жалоба № 36716/07, пункт 52).

50. Когда власти прибегают к применению силы, должна существовать некоторая форма независимого мониторинга этой меры, включая вопрос о ее пропорциональности, чтобы установить

ответственность за примененную силу. При установлении такой ответственности необходимо проверить, была ли операция должным образом регламентирована и организована таким образом, чтобы минимизировать любой риск причинения людям серьезных телесных повреждений (см. постановление Суда от 2 апреля 2009 года по делу «Мурадова против Азербайджана» (*Muradova v. Azerbaijan*), жалоба № 22684/05, пункт 113, с дальнейшими ссылками).

51. В постановлении по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*) (жалоба № 46956/09, пункты 128-40, 24 июля 2014 г.) Суд вкратце описал подход, примененный им в предыдущих делах против России, касавшихся жестокого обращения со стороны полиции, в которых «доследственная проверка» была единственной процедурой, примененной следственными органами. Суд пришел к выводу о том, что сам факт отказа следственных органов в возбуждении уголовного дела по небезосновательным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под контролем сотрудников полиции служит доказательством несоблюдения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции.

(ii) Применение данных принципов к настоящему делу

52. Суд отмечает, что первый и второй заявители подали в следственные органы свои заявления о преступлении 23 июня 2012 года и 29 октября 2012 года соответственно (см. пункты 10 и 21 выше). Оба заявителя жаловались на то, что сотрудники полиции причинили им телесные повреждения во время разгона митинга на Болотной площади 6 мая 2012 года. В частности, они утверждали, что некоторые сотрудники полиции били их по голове резиновыми дубинками, что было прямо запрещено законом. В поддержку своих утверждений заявители представили медицинские документы, подтверждающие их телесные повреждения, а также фотографии и видеозаписи. У Суда нет сомнений в том, что с момента представления доказательств каждый из заявителей имел небезосновательную жалобу на жестокое обращение.

53. Однако Суд обращает внимание на довод Властей о том, что первый заявитель затянул с подачей заявления о преступлении, что затруднило проведение последующей доследственной проверки (см. пункт 43 выше). Суд также отмечает, что второй заявитель подала заявление о преступлении еще позже, и принимает во внимание ее доводы о том, что власти упорно игнорировали широко освещаемый факт жестокого обращения со стороны полиции во время разгона рассматриваемого митинга (см. пункт 46 выше). Следовательно, Суд считает, что в настоящем деле он должен, помимо прочего, рассмотреть вопрос о том, должны ли были власти начать расследование по собственной инициативе и независимо от наличия со стороны заявителей официальных заявлений о преступлении.

54. Ранее Суд установил в аналогичном контексте, что крупномасштабная конфронтация между протестующими и сотрудниками правоохранительных органов с применением насилия с обеих сторон требует особенно тщательного изучения действий не только тех протестующих, которые проявили насилие, но и сотрудников правоохранительных органов (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункт 114).

55. Во время столкновений на Болотной площади сотрудники полиции применили в отношении некоторых участников митинга силу и специальные средства. Согласно рапорту, подготовленному в тот же день заместителем начальника Управления охраны общественного порядка ГУ МВД по г. Москве, в ходе спецоперации на публичном собрании пострадали более двадцати сотрудников полиции и военнослужащих. Было незамедлительно возбуждено уголовное дело по фактам массовых беспорядков и насильственных действий в отношении сотрудников полиции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 43-44). Таким образом, узнав об ожесточенных столкновениях между полицией и протестующими, власти приступили к расследованию насильственных действий, совершенных протестующими в отношении сотрудников полиции. В данных обстоятельствах было достаточно очевидно, что также могло иметь место жестокое обращение с участниками публичного мероприятия. Согласно приведенной выше прецедентной практике (см. пункт 48 выше), это обстоятельство должно было привести к началу официального расследования, даже в отсутствие отдельных жалоб, поданных участниками митинга.

56. Власти утверждали, что события на Болотной площади были предметом широкомасштабной проверки на внутригосударственном уровне, по результатам которой было возбуждено уголовное дело, в рамках которого организаторы были признаны виновными в массовых беспорядках, а ряд других лиц были признаны виновными в насильственных действиях в отношении полиции. Они утверждали, что в целом установление фактов и оценка этих фактов национальными следственными и судебными органами были тщательными и правильными. Суд уже рассматривал уголовные дела, на которые ссылались власти Российской Федерации, в том числе дела в отношении организаторов, и признает, что они включали установление некоторых относящихся к делу фактов (см. постановление Суда от 19 ноября 2019 года по делу «Развозжаев против России и Украины» и «Удальцов против России», жалоба № 75734/12 и 2 других жалоб, пункт 137). Однако цель этих уголовных дел не заключалась в том, чтобы возложить ответственность за столкновения и нанесенный ущерб на государство или сотрудников полиции лично. Участие сотрудников полиции в этом разбирательстве ограничивалось дачей показаний в качестве потерпевших или свидетелей в отношении массовых беспорядков,

устроенных протестующими, и суды не рассматривали их поведение по отношению к протестующим.

57. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что, помимо информации об общей ситуации, власти получили несколько конкретных жалоб на жестокое обращение, а также информацию о телесных повреждениях заявителей, которая поступила из других источников. Для второго заявителя прямо на место событий была вызвана скорая помощь (см. пункт 8 выше). Власти подтвердили, что 6 мая 2012 года больница сообщила в полицию о телесных повреждениях первого заявителя, но эта информация из больницы не была сочтена достаточной для начала расследования. Власти провели внутреннюю проверку, результаты которой не подтвердили утверждение о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции (см. пункт 11 выше), но Власти не указали, какие конкретные меры были приняты в рамках этой процедуры, за исключением телефонного звонка первому заявителю.

58. Из этого следует, что непосредственно после рассматриваемых событий следственные органы имели все возможности установить личности и допросить обоих заявителей, а также провести независимые, реальные и эффективные следственные мероприятия, направленные на: установление причин возникновения телесных повреждений; установление личности виновных, например, путем получения списка сотрудников полиции, принимавших участие в операции; допрос причастных сотрудников полиции; а также установление личности и допрос других свидетелей и медицинского персонала, которые оказывали заявителям помощь. Следственные органы не сделали ничего из этого, когда эта информация была доведена до их сведения.

59. Более того, из материалов дела не следует, что власти предприняли серьезные попытки проверить утверждения заявителей о жестоком обращении, когда те подали официальные заявления о преступлении. В деле первого заявителя в результате доследственной проверки, продолжавшейся девять месяцев, 20 марта 2013 года было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Из текста этого постановления не следует, что кроме получения от заявителя объяснений, были приняты какие-либо меры для установления обстоятельств предполагаемого нападения. В частности, из материалов дела не следует, что следователь изучил медицинскую справку и фотографии, представленные первым заявителем (см. пункты 11-12 выше), прежде чем отклонить его жалобу.

60. В отношении утверждений второго заявителя было вынесено четыре постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Ранее Суд устанавливал, что проведения доследственной проверки, за которой не последовало предварительное следствие, недостаточно для того, чтобы государственные органы власти выполнили требования эффективного расследования по заслуживающим доверия утверждениям о жестоком обращении со стороны полиции в соответствии со статьей 3

Конвенции (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Ляпин против России», пункт 136, и недавнее постановление Суда от 20 ноября 2018 года по делу «Самесов против России» (*Samesov v. Russia*), жалоба № 57269/14, пункт 51). Этот же вывод применим и в настоящем деле. Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобам второго заявителя были отменены прокурором со ссылкой на различные недостатки. Однако в ходе возобновленной проверки власти не предприняли никаких реальных попыток установить обстоятельства нападения на второго заявителя и установить личность преступника (см. пункты 22-23 выше). Более того, как следует из материалов дела, второй заявитель узнала о вмешательстве прокурора только тогда, когда она обратилась в суд с жалобой на отказ в возбуждении уголовного дела (см. пункт 23 выше). Следовательно, эта проверка не являлась эффективным расследованием по достоверным утверждениям второго заявителя о жестоком обращении.

61. С учетом вышеизложенного и принимая во внимание свою прецедентную практику, Суд приходит к выводу о том, что в настоящем деле власти не провели эффективного расследования. Таким образом, в отношении обоих заявителей было допущено нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции.

(b) Предполагаемое жестокое обращение:

(i) Общие принципы

62. Европейский Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения потерпевшего (см., среди других прецедентов, постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000-IV). В отношении лица, лишенного свободы или, в более общем плане, столкнувшегося с сотрудниками правоохранительных органов, любое применение физической силы, которое не является строго необходимым ввиду его поведения, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, закрепленного в статье 3 (см. упоминаемое выше постановление по делу «Буйид против Бельгии», пункты 100-01). В частности, когда власти прибегают к применению силы с целью подавления массовых беспорядков, такая сила может применяться только в том случае, если она является необходимой, и при этом она не должна быть чрезмерной (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункт 109).

63. Утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. При оценке этих доказательств, Суд, как правило, применяет критерий доказанности «вне разумного сомнения». Однако такое доказывание может основываться на

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

совокупности достаточно надежных, четких и последовательных выводов или аналогичных не опровергнутых фактических презумпций (см. постановление Суда от 20 марта 2018 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), жалоба № 5310/71, пункт 161). Что касается бремени доказывания предполагаемого жестокого обращения со стороны полиции в контексте обеспечения порядка в ходе демонстрации, то Суд установил, что заявители должны представить достаточно серьезные доказательства того, что их телесные повреждения стали результатом применения полицией силы, после чего на Власти возлагается бремя опровержения этих утверждений (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункты 107-08). Когда стороны расходились во мнениях относительно происхождения телесных повреждений, Суд придавал особое значение тому факту, что телесное повреждение было получено, когда заявитель находился в районе, в котором правоохранительные органы проводили операцию, в ходе которой они применяли силу с целью подавления массовых беспорядков (там же, пункт 109). Чтобы снять с себя бремя доказывания, Власти должны привести достаточное и убедительное объяснение происхождению телесных повреждений заявителя (там же, пункт 112).

64. Суд установил, что в делах, в которых нельзя утверждать, что полиция была вынуждена отреагировать без предварительной подготовки (см. постановление Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 72, ECHR 2000-XII), от нее можно было ожидать проявления определенной степени терпения и терпимости перед попыткой разогнать толпу, которая не представляла опасности для общественного порядка и не участвовала в актах насилия. Ранее Суд уже устанавливал нарушения статьи 3 Конвенции, когда сотрудники полиции не проявляли требуемой степени терпимости и сдержанности при разгоне мирных собраний (см., например, постановление Суда от 27 мая 2010 года по делу «Бигичи против Турции» (*Bigici v. Turkey*), жалоба № 30357/05, пункты 35- 36).

(ii) Применение данных принципов к настоящему делу

65. Стороны не оспаривают тот факт, что оба заявителя участвовали в политическом митинге, состоявшемся 6 мая 2012 года. Это мероприятие было согласовано городскими властями в форме шествия и последующего митинга на Болотной площади, который должен был завершиться в 19:30. Шествие было мирным и проходило без каких-либо нарушений, но, когда участники шествия дошли до Болотной площади, стало очевидным, что установленные полицией заграждения сузили проход на место проведения митинга и предположительно сократили пространство, выделенное для его проведения. Для контролирования толпы полицейский кордон удерживал протестующих в периметре заграждений. Между полицией и протестующими произошло несколько

столкновений. В 17:30 полиция объявила о досрочном завершении митинга, а затем начала разгонять участников. Для того чтобы очистить площадь от протестующих, потребовалось около двух часов.

66. В предыдущих делах, касавшихся тех же событий, Суд установил, что власти не выполнили свое позитивное обязательство в соответствии со статьей 11 Конвенции по обеспечению мирного проведения собрания, предотвращению нарушения общественного порядка и обеспечению безопасности всех участвующих граждан (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункт 130). Суд также пришел к выводу о том, что досрочное прекращение этого собрания не было неизбежным и что информация о прекращении не была эффективно донесена до участников шествия (там же, пункты 36 и 133). Что касается методов, использованных для разгона собрания на Болотной площади, то Суд воздержался от общей оценки поведения сотрудников полиции, ограничившись рассмотрением конкретных утверждений в каждом конкретном деле (там же, пункт 134). В нескольких связанных делах он установил, что задержание заявителей на месте проведения собрания нарушило статью 11 Конвенции (там же, пункты 138-40; см. также постановление Комитета от 9 октября 2018 года по делу «Аристов и Громов против России» (*Aristov and Gromov v. Russia*), жалобы №№ 76191/12 и 5438/13, пункты 58-62; постановление Комитета от 4 декабря 2018 года по делу «Асаинов и Сибиряк против России» (*Asainov and Sibiryak v. Russia*), жалобы №№ 16694/13 и 32701/13, пункты 50-53; и постановление Комитета от 8 января 2019 года по делу «Зиновьева против России» (*Zinovyeva v. Russia*), жалоба № 69272/13, пункт 53). Однако Суд еще не рассматривал индивидуальные жалобы, подобные настоящим, касающиеся жестокого обращения со стороны сотрудников полиции во время этого мероприятия.

67. В настоящем деле Власти не оспаривали тот факт, что заявители получили телесные повреждения или что в тот день сотрудники полиции применили силу на Болотной площади. В то же время, насколько можно понять из их замечаний, они отрицали, что телесные повреждения были нанесены сотрудниками полиции во время операции 6 мая 2012 года (см. пункты 43-44 выше). В этой связи Суд отмечает, что в ходе последственных проверок на национальном уровне вопросы о том, когда и каким именно образом были нанесены телесные повреждения, не рассматривались. Заявители представили медицинские справки, фотографии и/или видеозаписи, а также объяснения того, как сотрудники полиции нанесли им телесные повреждения. Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела не содержат подробного анализа представленных материалов, ссылок на какие-либо другие материалы, касающиеся событий с участием заявителей, или альтернативных объяснений по поводу происхождения их телесных повреждений (см. пункты 59-60 выше).

68. Суд также отмечает, что в решении Следственного комитета от 20

марта 2013 года и последующих решениях (см. пункты 12 и 22 выше) говорилось, что полиция законно применила силу при задержании протестующих, которые действовали незаконно и оказывали сопротивление. Хотя заявители не входили в число задержанных или осужденных за насильственные действия, Суд считает, что общие выводы следователей могут быть истолкованы как подразумевающие, что полиция применяла силу и в отношении заявителей.

69. В свете вышеизложенного и принимая к сведению последовательные и подробные объяснения заявителей о происхождении их телесных повреждений, которые были подтверждены медицинскими справками, фотографиями или видеозаписями, Суд считает, что оба заявителя представили достаточно серьезные доказательства того, что телесные повреждения, описанные в медицинских справках, были нанесены полицией во время разгона политического митинга 6 мая 2012 года. Далее, отмечая отсутствие эффективного расследования по утверждениям заявителей и, как следствие, отсутствие со стороны Властей каких-либо альтернативных и правдоподобных объяснений происхождения телесных повреждений заявителей, Суд приходит к выводу о том, что телесные повреждения, описанные в медицинских справках, были нанесены полицией во время разгона политического митинга 6 мая 2012 года.

70. Как и в предыдущих аналогичных делах, Суд придает особое значение тому факту, что телесные повреждения были получены, когда заявители находились в районе, в котором правоохранительные органы проводили операцию, в ходе которой они прибегли к применению силы с целью подавления массовых беспорядков. Хотя применение силы в таких обстоятельствах не запрещено, оно должно быть необходимым и не должно быть чрезмерным (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункт 109, с дальнейшими ссылками).

71. В этой связи Суд отмечает, что ни на одном из этапов разбирательства на внутригосударственном уровне или разбирательства в Суде мирное поведение заявителей во время собрания не ставилось под сомнение. Таким образом, применение к ним силы не было оправдано их собственным поведением и, следовательно, унижало их достоинство.

72. Суд считает, что в настоящем деле имело место унижающее достоинство обращение.

73. Следовательно, в настоящем деле в отношении обоих заявителей было допущено нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции.

(с) Заключение о предполагаемых нарушениях статьи 3

74. Суд вне разумных сомнений установил, что 6 мая 2012 года полиция применила силу в отношении обоих заявителей в ходе разгона митинга на Болотной площади, в результате чего они получили телесные повреждения. Суд также постановил, что применение физической силы

не было строго необходимым ввиду поведения заявителей и не было обязательным в контексте подавления массовых беспорядков, не говоря уже о соблюдении требования пропорциональности. Следовательно, это представляло собой жестокое обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

75. Суд также установил, что российские власти не начали официальное расследование, способное установить, было ли применение силы полицией на Болотной площади 6 мая 2012 года необходимым и соразмерным. Следовательно, они не выполнили свое обязательство по проведению эффективного расследования по заслуживающим доверия утверждениям обоих заявителей о жестоком обращении.

76. Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

77. Заявители жаловались на то, что из-за жестокого обращения со стороны полиции во время разгона демонстрации они не могли воспользоваться своим правом, предусмотренным статьей 11 Конвенции. Второй заявитель также ссылалась на статью 10 Конвенции. Суд рассмотрит жалобу на нарушение статьи 11, истолкованной, когда это уместно, в свете статьи 10 (см. постановление Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), пункт 35, Серия А № 202). Статья 11 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу проведения мирных собраний и на свободу создания союза с другими участниками, включая право создания профессиональных союзов и вступления в них для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...» Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

А. Приемлемость жалоб

78. Власти утверждали, что жалобы являются неприемлемыми, поскольку заявители не пожаловались во внутригосударственные органы власти на нарушение их права на свободу собраний.

79. В ответ второй заявитель утверждала, что, когда следственные органы проводили расследование по утверждениям заявителей, они заявили, что сила, примененная полицией, была направлена на подавление беспорядков во время митинга и была использована при

задержании наиболее активных участников беспорядков. Таким образом, она утверждала, что национальные власти имели возможность вынести решение о пропорциональности применения силы во время собрания.

80. Суд отмечает, что заявители жаловались в национальные следственные органы и суды на то, что сотрудники полиции нанесли им телесные повреждения во время публичного собрания. Следственные органы не начали расследование по этим утверждениям на том основании, что события на Болотной площади во время митинга вызвали необходимость применения сотрудниками полиции силы и применение силы было оправданным. Суд установил нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции в том числе в связи с отсутствием оценки отдельных происшествий в отношении заявителей (см. пункты 59-60 выше). Однако материалы доследственных проверок не оставляют сомнений в том, что следственные органы проводили оценку вмешательства полиции на Болотной площади с целью разгона митинга. Стороны не оспаривали тот факт, что оба заявителя участвовали в собрании. При таких обстоятельствах, а также поскольку Власти не указали никаких других средств правовой защиты, к которым заявители могли бы прибегнуть для защиты своих прав по статье 11 Конвенции, Суд считает, что возражение о неисчерпании средств правовой защиты должно быть отклонено.

81. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной или неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в статье 35 Конвенции. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

82. Заявители повторили свои жалобы. Они утверждали, что они были мирными участниками митинга, и поэтому применение к ним какой-либо силы было незаконным и неоправданным.

83. В отношении первого заявителя Власти утверждали об отсутствии нарушения права, предусмотренного статьей 11 Конвенции, поскольку сотрудники полиции применяли силу на законных основаниях и только в отношении наиболее активных участников беспорядков, которых они задержали. В отношении второго заявителя Власти утверждали об отсутствии вмешательства в ее право, предусмотренное статьей 11 Конвенции, поскольку в ходе проверки на внутригосударственном уровне не было подтверждено, что полиция незаконно применила к ней силу.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

84. Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике, касающейся права на свободу мирных собраний (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы» (*Kudrevičius and Others v. Lithuania*), жалоба № 37553/05, ECHR 2015, с дальнейшими ссылками) и пропорциональности вмешательства в это право (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба № 74552/01, ECHR 2006-XIV, и постановление Суда от 31 марта 2009 года по делу «Гайд Парк и другие против Молдовы» (*Hyde Park and Others v. Moldova*), жалоба № 33482/06).

85. Суд повторяет, что «вмешательство» не обязательно должно являться абсолютным юридическим или *de facto* запретом, но может состоять из различных иных мер, предпринятых властями. Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 должен толковаться как включающий меры, предпринятые до или во время собрания, и такие меры, как штрафные санкции, примененные впоследствии (см. упоминаемое выше постановление по делу «Эзелин против Франции», пункт 39).

86. Лицо не перестает пользоваться правом на свободу мирных собраний в результате единичного акта насилия или иных наказуемых действий, совершенных другими лицами в ходе демонстрации, если намерения и поведение данного лица носят мирный характер (см. упоминаемое выше постановление по делу «Эзелин против Франции», пункт 53, решение Суда от 4 мая 2004 года по делу «Зилиберберг против Республики Молдова» (*Ziliberberg v. Moldova*), жалоба № 61821/00; и постановление Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» (*Primov and Others v. Russia*), жалоба № 17391/06, пункт 155). Даже если существует реальная угроза того, что публичная демонстрация выльется в беспорядки в результате событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11, но любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 этой статьи (см. постановление Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии» (*Schwabe and M.G. v. Germany*), жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, пункт 103, ECHR 2011).

(b) Применение указанных принципов в настоящем деле

87. Ранее Суд установил, что собрание на Болотной площади, состоявшееся 6 мая 2012 года, подпадало под действие статьи 11 Конвенции (см. постановление Суда от 4 октября 2016 года по делу «Ярослав Белоусов против России» (*Yaroslav Belousov v. Russia*), жалобы №№ 2653/13 и 60980/14, пункты 168-72). Что касается лично заявителей, то стороны согласны с тем, что они не находились в числе лиц, ответственных за первоначальные агрессивные действия, которые способствовали нарушению первоначального мирного характера

собрания. Статья 11 применима к жалобам обоих заявителей (см. упоминаемое выше постановление по делу «Развозжаев и Удальцов против России», пункты 282-86).

88. Суд отмечает, что он установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителями со стороны сотрудников полиции во время публичного собрания (см. пункт 71 выше). Суд считает, что вмешательство сотрудников полиции и их поведение по отношению к заявителям также представляло собой вмешательство в права заявителей, предусмотренные статьей 11 Конвенции (см. постановление Суда от 23 июля 2013 года по делу «Изчи против Турции» (*İzci v. Turkey*), жалоба № 42606/05, пункт 82).

89. В своих замечаниях Власти утверждали, что Закон «О полиции» разрешает сотрудникам полиции применять силу и специальные средства, в частности, для пресечения преступлений и сопротивления, оказываемого сотруднику полиции. Следовательно, Суд признает, что рассматриваемое вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель пресечения беспорядков и преступлений.

90. Возвращаясь к вопросу о «необходимости» вмешательства, Суд отмечает доводы Властей о том, что сила была применена для задержания тех участников собрания, которые совершали акты насилия и не подчинялись распоряжениям сотрудников полиции. Однако Власти не представили никаких объяснений относительно того, почему было необходимо применение силы в отношении заявителей, которые не были задержаны и не участвовали в каких-либо актах насилия. С учетом своего вывода о том, что сила, примененная в отношении заявителей, была излишней и чрезмерной и, следовательно, нарушала статью 3 Конвенции (см. пункт 74 выше), он считает, что она «не была необходимой в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. Более того, это могло оказать сдерживающее воздействие на заявителей и других лиц и отбить у них желание участвовать в подобных публичных собраниях.

91. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении обоих заявителей.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

92. Наконец, ссылаясь на статью 13 Конвенции, заявители жаловались на непроведение эффективного расследования по утверждениям о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции. Второй заявитель также жаловалась на то, что в ее распоряжении не имелось эффективных средств правовой защиты в отношении ее жалобы на то, что применение полицией силы нарушило ее свободу собраний. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

93. С учетом своих выводов относительно приемлемости и существа жалоб на нарушение статьи 11 Конвенции, а также вывода о нарушении процессуального аспекта статьи 3 Конвенции, Суд не видит необходимости в отдельном рассмотрении жалобы заявителей на нарушение по статье 13 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

94. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

95. Первый заявитель требовал 16 000 евро, а второй заявитель требовала 35 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

96. Власти оспаривали требования первого заявителя как чрезмерные. В отношении требований второго заявителя они утверждали, что если Суд установит нарушение ее прав, то он должен присудить справедливую компенсацию в соответствии со своей прецедентной практикой.

97. Принимая во внимание характер установленных нарушений и принцип *non ultra petita*, Суд присуждает заявителям следующие суммы в качестве компенсации морального ущерба, плюс любой налог, которым они могут облагаться. 16 000 евро первому заявителю и 16 900 евро второму заявителю.

B. Расходы и издержки

98. Первый заявитель также требовал 5 евро в качестве возмещения почтовых расходов и 5 000 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных им во время разбирательств на внутригосударственном уровне и в Европейском Суде. Последняя из указанных сумм включает гонорар его законного представителя. Второй заявитель требовала 22 500 евро в качестве возмещения расходов на юридическое представительство в ходе разбирательств на внутригосударственном уровне и в Европейском Суде. Она представила свой запрос на юридическую помощь, направленный в организацию, в которой работали ее представители, и письмо, подтверждающее, что адвокаты затратили на работу над ее делом 150 часов, и что она обязалась оплатить их работу по ставке 150 евро в час.

99. Власти заявили, что они не возражают против требований первого

заявителя в отношении возмещения расходов и издержек. В отношении требований второго заявителя они утверждали, что если Суд установит нарушение ее прав, то он должен присудить ей возмещение по данному пункту в соответствии со своей прецедентной практикой.

100. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание находящиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить каждому из заявителей по 4 500 евро в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных ими в ходе разбирательств в национальных судах и в Европейском Суде, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

101. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке по займам Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *решил* объединить жалобы в одно производство;
2. *признал* жалобы приемлемыми;
3. *постановил*, что в настоящем деле в отношении обоих заявителей было допущено нарушение материального и процессуального аспектов статьи 3 Конвенции;
4. *постановил*, что в настоящем деле в отношении обоих заявителей было допущено нарушение статьи 11 Конвенции;
5. *постановил*, что необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции отсутствует;
6. *постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителям следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ЗАХАРОВ И ВАРЖАБЕТЯН против РОССИИ»

- (i) 16 000 (шестнадцать тысяч) евро первому заявителю и 16 900 (шестнадцать тысяч девятьсот) евро второму заявителю, плюс любой налог, которым могут облагаться эти суммы, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) по 4 500 (четыре тысячи пятьсот) евро, плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, каждому заявителю в качестве возмещения расходов и издержек; эта сумма должна быть выплачена непосредственно представителям заявителей;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляется простой процент в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальную часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 13 октября 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря

Пол Лемменс
Председатель